

КРИМИНОЛОГИЯ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ: ВОЗМОЖЕН ЛИ КОМПРОМИСС?

Е. С. Жигарев,

доктор юридических наук, профессор,
почетный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН)
(Московский университет МВД России,
кафедра криминологии, профессор)

У истоков материалистической диалектики, как известно, стояли К. Маркс и Ф. Энгельс, которые, отбросив идеалистическое содержание диалектики Гегеля, построили диалектику на основе материалистического понимания происходящих процессов развития природы и общества. Марксизм как монистическое учение пропагандирует не только единство строения различных видов материи, но и наличие единого основания у разнородных образований¹, какими являются природа, общество и мышление, или, по-другому, физический, социальный и психический миры. Марксистская диалектика, по определению В. И. Ленина, — самое всестороннее и глубокое учение о **развитии**. Причем имеется в виду развитие, имеющее всеобщий характер, включающее процессы, совершающиеся в природе, обществе и мышлении. Само же диалектическое развитие, по представлению классиков марксизма, выражено в процессах перехода от одного состояния в другое, более совершенное, перехода от старого качественного состояния к новому качественному состоянию. Диалектическое развитие, по их утверждению, есть движение материи от простых ее форм к более сложным, от низшего уровня к высшему, и так до бесконечности; ибо краеугольным камнем диалектического материализма является

воззрение, что в мире нет ничего, кроме материи и законов ее движения и изменения², что материя вечна и бесконечна.

Итак, одно из главных содержаний материалистической диалектики, на которое я хочу обратить внимание читателя, — это однозначное утверждение, что буквально все в мире развивается по объективным универсальным законам и по восходящей линии, обозначающей поступательное движение вперед.

Криминология советского и постсоветского периодов своей методологией признает исключительно материалистическую диалектику. Об этом прямо говорится в первом учебнике «Криминология», изданном в 1966 г. в СССР, что «...метод советской криминологии состоит в применении положений диалектического и исторического материализма... Советская криминология строит свою методологию таким образом, чтобы преступность и ее причины исследовались в не посредственной связи с общими закономерностями общественного развития...»³ (выд. курс. мною. — Е. Ж.).

В приведенном тезисе я выделил указанные слова неслучайно. Этим я сразу же хочу отметить явное непонимание автора, что «закономерности общественного развития» не могут иметь ничего

¹ См.: Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории / П. Н. Федосеев, И. Т. Фролов, В. А. Лекторский и др. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1985. С. 41.

² См.: Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. — М.: Политиздат, 1963. С. 129.

³ Герцензон А. А. Метод советской криминологии // Криминология. — М.: Юрид. лит., 1966. С. 11.

общего с преступностью. Ибо диалектические законы развивают общество поступательно вперед, т. е. ведут к прогрессу, а преступность есть регресс, т. е. движение назад к простому, к низшему. В таком случае диалектические законы развития вступают в непримиримое противоречие (антагонизм) с другими законами, тормозящими поступательное движение общества к коммунизму.

Следовательно, авторам указанного учебника нужно было бы применить иную методологию исследования преступности, чтобы обнаружить и вскрыть механизм и причины сопротивления человека ному, передовому.

А теперь возьмем учебник «Криминология» сегодняшнего образца, 2010 года издания, который также, как и первый, рекомендован Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция», и допущен МВД РФ в качестве учебника для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля. Авторы данного учебника, опираясь на прошлую (советскую) криминологическую теорию, утверждают: «Для теории ... характерно, что она ... как правило, пользуется прежним доверием, даже если сталкивается с противоречащими ей примерами»⁴. Для подтверждения своей правоты авторы даже сослались на некий *функциональный закон преемственности*⁵. Преемственность же, действительно, ими была соблюдена, и в первую очередь, в применении всеобщего метода познания, выраженного наиболее общими законами развития природы, общества и мышления, пропагандируемых диалектическим и историческим материализмом⁶.

Авторы учебника утверждают важный, по их мнению, постулат, что криминологические исследования (теоретические или эмпирические — неважно) есть специфическая творческая деятельность (естественно, это так). И осуществление этой деятельности возможно лишь на основе определенной методологии⁷. И этой методологией, как отмечено выше, является марксизм с его материалистической диалектикой, которая выступает и в каче-

стве всеобщего метода познания, и как научная теория применяемых в познании частных научных методов. Потому что, по мнению марксизма, в основе всех методов познания все равно лежат объективные законы действительности. Объективную основу диалектического метода составляют, опять же, наиболее общие законы развития материального мира. Этот метод является общей философской основой и выступает в качестве орудия познания во всех областях научных знаний⁸.

Как бы мы ни переставляли слова в этих тезисах, все равно суть не изменится, потому что марксизм свел содержание методологии к трем сформулированным универсальным законам: 1) переход количественных изменений в качественные; 2) единство и борьба противоположностей; 3) отрицания отрицания⁹.

Но главная загвоздка заключается в том, что марксизм выдвинул эти законы априори, предположительно. Поэтому, когда апологеты этого учения захотели хотя бы как-то обосновать их действие в физическом мире, они тут же попали в силки своих же положений. Оказывается, весьма трудно, если вообще невозможно, доказать их реальность. Давайте вместе убедимся в этом.

1. Возьмем первый закон: *переход количественных изменений в качественные* и проследим его интерпретацию советскими философами и криминологами.

Классики марксизма применили этот закон для объяснения процесса развития природы и общества. Апологеты этого учения представляли развитие природы в виде лестницы качественных ступеней: «мелкие, накапливающиеся количественные изменения в рамках данного вида приводят со временем к образованию нового вида. Затем идет опять количественное развитие этого вида, которое приводит снова к качественным превращениям в *другой вид* и т. д.»¹⁰ (выд. курс. мною. — Е. Ж.).

Криминологи, подхватив это абсурдное положение диалектического материализма, по аналогии стали считать, что «при определенных усло-

8 См.: Философский словарь. С. 268.

9 Гегелевские субъективные законы (или законы мышления) звучат так: закон перехода количества в качество и обратно; закон взаимного проникновения противоположностей; закон отрицания отрицания (см.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1969. С. 44).

10 Князев Н. А. Диалектика количественных и качественных изменений // Диалектический материализм: учеб. пособие / под ред. А. П. Шепгулина. — М.: Высш. школа, 1974. С. 240.

4 См.: Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г. А. Аванесова [и др.]. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 39–40.

5 См.: Там же. С. 94.

6 См.: Там же. С. 110, 116.

7 См.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. С. 112.

виях один вид преступности порождает другой (другие) или влияет на них»¹¹.

Но главное значение для классиков марксизма этот закон приобрел при обосновании естественной основы социально-политических революций. Они старались доказать объективный характер революций количественными изменениями в развитии производительных сил, приводящих к постепенным обострениям противоречий между производительными силами и производственными отношениями, а также между противоположными классами.

Классикам было понятно, что этот закон надуман и поэтому манипулировать им они могли сколько угодно и как угодно. И в первую очередь, они видоизменили его действие при социализме. «С изменением условий общественного развития законы диалектики проявляются в специфической форме. Так, при социализме переход количественных изменений в качественные (скачки) утрачивает форму политических революций, социальные изменения здесь осуществляются постепенно, путем отмирания старого и нарастания элементов нового»¹².

А обратный переход качества в количество объясняется так: при социализме более быстрый рост производительных сил, науки и культуры, иная общественная активность трудящихся; все это — новое качество, приводящее к новому количеству¹³.

В криминологии закон перехода количественных изменений в качественные внедрен в теорию преступности. Качество этого социального явления зависит от количества и видов самостоятельных явлений — отдельных, независимых друг от друга, преступлений. Криминологи отмечают, что помимо количественной оценки, нужна еще и качественная ее оценка, которая видится авторами в ее социальной сущности, в системе общественных отношений. «Оценивая отдельное преступление изолированно от преступности в целом, т. е. вне системы общественных отношений, мы можем получить об этом только абстрактное представление... Оценивая же преступность в целом независимо от отдельного преступления,

мы теряем возможность увидеть то основание, на котором возникают и изменяются определенные общественные отношения»¹⁴.

В этом тезисе заключен однозначный смысл, что оценивая и конкретное преступление, и оценивая преступность в целом, мы все равно упрямся в общественные отношения, которыми они связаны между собой в диалектическом единстве. Поэтому далее по тексту криминологи заявили: для того, чтобы изменить человека, совершающего преступления, нужно «преобразовать общественные отношения, в которых он живет»¹⁵.

Но общественные отношения¹⁶, в которых мы все живем, а не только преступники, зависят в первую очередь от производственных, экономических отношений, что позволило Марксу посвоему объяснить ход человеческой истории. Этот призыв криминологов, как я полагаю, высказан по Фрейду, бессознательно, поэтому и оставим его без дальнейшего внимания.

Однако хочу отметить, что интерпретация преступности в качестве самостоятельного социального явления необходима криминологам для того, чтобы обосновать ее развитие законами материалистической диалектики. В противном случае они непременно подошли бы к личности, к ее психическим законам — истинным источникам преступности.

2. Закон *единства и борьбы противоположностей*, сущностью которого является диалектическое противоречие противоположных сторон, моментов каждого объекта физического мира назван Лениным «ядром диалектики»¹⁷. Действие этого закона марксизм объясняет следующим образом: «Борьба противоположностей означает, что противоречие внутри сущности предмета непрерывно разрешается и столь же непрерывно воспроизводится, а это ведет к *превращению старого*

14 См.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. С. 193.

15 См.: Там же. С. 289.

16 Общественные отношения настолько абстрактная категория, которой манипулировать не представляется никакого труда. Но в то же время известный журналист и политолог Леонид Радзиховский в статье «Труп», посвященной 60-летию со дня смерти Сталина, сущность общественных отношений выразил тремя словами: «вера в подавление, корысть и ложь» (см.: Радзиховский Л. Труп // Рос. газета. 2013. 5 марта. С. 11). Я, пожалуй, соглашусь с этой мыслью. Видимо, и авторы данного учебника также считают, поэтому и пишут, что «преступность обусловлена общественными отношениями...» (см.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. С. 208). Если общественные отношения пропитаны корыстью, ложью и подавлением, тогда действительно, можно поверить авторам, что они порождают преступность.

17 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 тт. 5-е. изд. Т. 29. — М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 203.

11 Долгова А. И. Преступность как объект криминологического изучения // Криминология: учебник для юрид. вузов / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А. И. Долговой. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 85.

12 См.: Философский словарь. С. 343.

13 См.: Князев Н. А. Указ. параграф. С. 240.

предмета в новый»¹⁸ (выд. курс. мною. — Е. Ж.). Этим законом марксизм объясняет внутренний, объективный источник всякого движения, не прибегая ни к каким посторонним связям и силам, и представляет движение как самодвижение.

Другими словами, самодвижение (или саморазвитие) есть непрерывный процесс развития объектов и явлений материального мира за счет внутренней борьбы их собственных противоположностей, единство которых относительно, но борьба абсолютна.

Естественно, подобное замысловатое объяснение не может внести хотя бы толику ясности, раскрывающей механизм действия этого закона, а, наоборот, усугубляет его непонимание. Ведь предметы физического мира никогда не превращаются в новые их виды, а лишь, старея, навсегда исчезают с лица земли.

А когда Маркс положил этот закон в основу товарных отношений, он вынужден был исключить волю людей. Действительно, если вдуматься и осмыслить знаменитый «Капитал», то можно предположить, что его написал неисправимый выдумщик. Представьте себе книгу, в которой люди полностью лишены воли, и, как марионетки, подчинены товару, зарплате, стоимости, доходу, которые бессовестно и жадно манипулируют ими. На самом же деле все названные экономические категории — производны людьми. Может быть, поэтому главный труд Маркса «Капитал» его современники оценили как «сатирическую мрачную фантастику в духе Свифта»¹⁹.

Советские идеологи — апологеты марксова учения — тоже не могли доходчиво объяснить действие этого закона. Действительно, невозможно даже умозрительно представить внутренние (сущностные) противоположности, борьба которых преобразует предмет в другой вид. Поэтому они, не мудрствуя лукаво, противопоставили между собой реальные, дополняющие друг друга, противоположности. Например, такие: верх и низ предмета, темное и светлое время суток, северный и южный полюсы; сложение и вычитание, умножение и деление; а в социальном мире — производство и потребление, эксплуататорские и эксплуатируемые классы, личность и общество²⁰.

18 См.: Философский словарь. С. 144.

19 См.: Кудряшов К. Фантаст Карл // АиФ. № 18. 2013. С. 15.

20 См.: Оруджев З. М. Противоречие. Противоположности. Закон единства и борьбы противоположностей // Диалектический материализм. С. 281.

Разумеется, эти противоположности не вступают между собой в борьбу, а выполняют свои строго определенные функции. Даже личность, совершая преступления, не находится в противоречии с обществом, как полагают криминологи²¹. Потому что противоречия есть борьба с обществом, без которого человек не может полноценно существовать. Противоречие противоположностей, повторяю, должно быть раскрыто как внутренняя структурная характеристика исследуемого предмета в его сущности, в его внутренней основе.

Криминологи, рассматривая преступность через действие закона единства и борьбы противоположностей, также представили ее наподобие физического предмета, саморазвивающегося без участия посторонней силы, а за счет внутренней борьбы. Например, А. И. Долгова пишет, что преступность в целом *саморазвивается* и самодетерминируется как самоуправляемая система²² (выд. курс. мною. — Е. Ж.). И авторы упомянутого учебника также в унисон констатируют: «Преступность обладает самостоятельной формой движения»²³.

Но что удивительно — даже апологеты материалистической диалектики так до конца и не смогли разобраться, в чем выражается это противоречие, что оно из себя представляет. И как умели, убеждали нас, что возвышение одной противоположности сопровождается падением, принижением другой, тем самым обостряется противоречие, а явления и предметы, развиваясь, переходят в новые качественные состояния, даже превращаются в другие виды.

Может быть, и не говорили бы сегодня криминологи о саморазвитии преступности, если бы советские идеологи не привили в их головы догму о пресловутом противоречии, которому, кстати сказать, они придали иное значение. Диалектическое противоречие, повторю еще раз, работает на прогресс, на развитие всего нового, передового, а криминологическое противоречие олицетворяет упадок, движение назад, т. е. регресс. Но все равно «для криминологии важно, — пишут авторы данного учебника, — познать *противоречия*, возникающие и существующие

21 См.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. С. 291.

22 См.: Долгова А. И. Указ. глава. С. 89.

23 См.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. С. 201.

в любой сфере общественных отношений...»²⁴ (выд. курс. мною. — Е. Ж.).

Но, как представляется, противоречий ни в физической, ни в социальной действительности быть не должно по определению. Ведь «каждая противоположность, — по мысли З. М. Оруджева, — стремится как бы свести к нулю другую противоположность...»²⁵, т. е. уничтожить. Поэтому противоречие, согласно гипотезе марксизма, должно возникать только между противоположными сторонами самого предмета, но не между предметами, как это представляют криминологи.

Если внутреннее взаимодействие гипотетически предполагает противоположности, то внешнее социальное взаимодействие весьма эффективно и продуктивно только между людьми со сходными взглядами, позициями, с непротиворечивой точкой зрения. Взаимодействие же противоположных сил, интересов, наоборот, приводит к разрушению, и никакого диалектического развития здесь нет. Поэтому разговор, что причины преступности первого класса связаны с негативными социальными противоречиями²⁶, по крайней мере не соответствует учению марксизма и ничего общего не имеет с диалектическим противоречием. Можно сказать, что криминологи используют терминологию материалистической диалектики бездумно. Да и марксизм термины «противоположность» и «противоречие», взятые им из гегелевской идеалистической философии, умышленно объединил и внедрил в предметы физического мира, чтобы хотя бы гипотетически обосновать их саморазвитие без всякого постороннего воздействия, чтобы исключить участие духа в развитии видимого мира.

Следовательно, говорить о негативных социальных противоречиях — это нонсенс, все равно что выражаться «масло масляное». Мы, и это нужно открыто признать, постоянно боремся с негативными социальными явлениями, которые есть результат соответствующих действий и поступков самих же людей. Пора уже прекратить криминологам опираться на экономическую теорию Маркса и выбрасывать на обочину социальной жизни самих людей с их свободной волей. Только тогда мы сможем очистить криминологию от подобных странностей.

3. Закон *отрицания отрицания* — один из трех законов материалистической диалектики. Согласно марксизму, отрицание есть условие, момент развития с *удержанием всего положительного и необходимого, что было в старом*, для дальнейшего поступательного развития²⁷. Классики марксизма этот закон органически (внутренне) связывают с законом единства и борьбы противоположностей. Ибо разрешение противоречия происходит через отрицание старого, отжившего. Этот закон, согласно интерпретации З. М. Оруджева, не предусматривает сохранения отжившей противоположности, а, наоборот, сводит ее к нулю, что означает полное ее уничтожение. А закон отрицания отрицания, по мысли классиков марксизма, предполагает преемственность и непрерывность развития с удержанием положительного в старом. (Вместе с тем для поступательного развития характерна и прерывность, как указывается здесь же в словаре).

Эта своеобразная коллизия между двумя органически связанными объективными законами возникает тогда, когда апологеты пытаются подогнать под их действие и физические предметы, и социальные явления. Мы видим, что социальное, зависящее от сформированного мировоззрения, часто не совпадает с законами объективной реальности. Потому что социальный мир развивается людьми, имеющими свою индивидуальную психику (т. е. психические, можно сказать, законы).

Однако, нужно еще сказать и об особенностях закона отрицания отрицания, на которую обращают внимание классики марксизма и его апологеты. Речь идет о двойном отрицании: отрицания отрицания. Специфическое содержание этого закона не сводится к характеристике отношений между двумя непосредственно следующими друг за другом фазами процесса развития. «Дело в том, — рассуждают авторы «Материалистической диалектики», — что стадия, следующая за данной (отрицающая ее), в определенное время сама подвергается отрицанию со стороны новой стадии развития. *Двойное отрицание (отрицание отрицания) не может не вести к своеобразному восстановлению некоторых черт исходной стадии в составе ... качественно иного целого...*»²⁸ (выд. курс. мною. — Е. Ж.).

24 См.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. С. 227.

25 Оруджев З. М. Указ. параграф. С. 283.

26 См.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. С. 231.

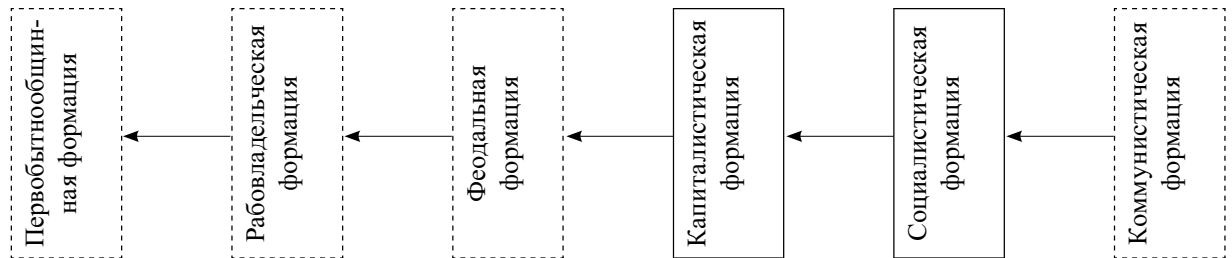
27 См.: Философский словарь. С. 333.

28 См.: Материалистическая диалектика. С. 67.

Объяснение авторами двойного отрицания настолько витиевато, что мне сложно «расшифровать» содержание этого тезиса. Поэтому ста-

дии развития общества я хочу изобразить схематически, чтобы это выглядело нагляднее для читателя.

Схема действия закона отрицания отрицания

Я привел цепочку социально-экономических формаций, сменивших друг друга на протяжении всей человеческой истории. Первые три формации ушли, как говорится, в небытие. Накануне революции (скачка) 1917 г. на исторической арене развивался капитализм, с его крайней формой империализмом. В нашей стране насильственным путем были упразднены капиталистические общественные отношения, большевики принялись строить новое социалистическое общество.

Согласно утверждению авторов приведенного текста, социализм, следующий за капитализмом и отрицающий его, в то же время и сам воспринимает отрицание капитализма (его сопротивление). Однако двойного отрицания (имеется в виду и со стороны коммунизма) он не испытал, поэтому, видимо, и рассыпался, как карточный домик.

Моя ирония, поверьте, не злая; я просто хочу, чтобы криминологи (молодая часть ученых) наконец-то поняли очевидное: нельзя до бесконечности верить в абсурд.

Однако, придерживаясь марксовского тезиса, что «ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»²⁹, криминологи, не обращая внимания на тот факт, что речь идет о диалектическом развитии, а не о регрессе, с которым связана преступность, продолжают утверждать, что и в преступности всегда существует противоречие³⁰. Но конфликт (они его отождествили с противоречием) нового со старым разрешается, согласно диалектике марксизма, отрицанием, т. е. уничтожением одной из противоположных

сторон предмета другой. Но что это за стороны, никто до сих пор не объяснил.

Но противоречие и конфликт — это не одно и то же: противоречие — универсальная диалектическая категория, а конфликт — это серьезное разногласие между людьми, т. е. категория психологическая. Поэтому, как я считаю, отождествление конфликта с диалектическим противоречием здесь неуместно.

Кроме того, по мнению авторов, «внутренний конфликт в преступности преследует цель сближения противоположностей»³¹ (выд. курс. мною. — Е. Ж.). Тут авторы снова радикальным образом подправили закон, сделав его не дееспособным. Убрав из него «борьбу противоположностей» и включив в закон «сближение противоположностей», которое не связано со стремлением уничтожить старую противоположность новой, криминологи, по существу, применили теорию мирного сосуществования противоположностей.

И последнее замечание. Авторы, объявив, что преступность внутренне противоречива, однако, никакими доводами свою позицию так и не обосновали. Потому что этот гипотетический тезис невозможно подтвердить, ибо сама преступность есть совокупность зарегистрированных преступлений, по значительному числу которых даже не установлены лица, их совершившие, представляющие собой детерминанты противоправных деяний. Сама преступность, представляющая собой, по мысли этих криминологов, социальное явление, не может в принципе иметь «противоречие», так как в ней нет диалектических противоположных сторон или моментов, вступающих

²⁹ Цит. по: Конкин М. И. Отрицание. Закон отрицания отрицания // Диалектический материализм. С. 295.

³⁰ См.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. С. 245.

³¹ См.: Там же.

естественным путем в борьбу между собой. Но утверждать, что преступность сама по себе конфликтна, пожалуй, можно.

Итак, рассмотрев три универсальных закона материалистической диалектики, невольно приходишь к мысли, что каждый из них повторяет одну и ту же функцию: деятельность каждого направлена на развитие. Например, закон отрицания отрицания проявляет себя благодаря внутреннему противоречию, а противоречие возникает, когда количество накопившихся признаков в предмете приводит к качественному его изменению. Собственно, вся эта цепочка происходящих друг за другом процессов и есть единый закон развития. Ведь понятие закона, согласно мнению классиков марксизма, близко к понятию сущности, которая одна. Следовательно, и закон должен быть один. Но тут возникает еще один конфуз. Гипотетически изложив теорию диалектического развития, классики марксизма не подтвердили ее практикой, которая выше теоретического познания

(по В. И. Ленину). А криминологи, продолжая бездумно ссылаться на эти законы, так запутались в материалистической диалектике, что делают умозаключения совершенно иные, не соответствующие этой теории.

Тем не менее мы все же подошли к ответу на поставленный в заголовке статьи вопрос. Ответ мой будет однозначным: никакого компромисса с диалектическим материализмом не должно быть. И не потому, что классики марксизма и его апологеты сами запутались в объективной диалектике, а в первую очередь, из-за того, что марксистская монистическая теория обходит стороной главный продуцент преступности — личность³².

Заканчивая изложение своей точки зрения, я хочу напомнить слова академика РАН В. Н. Кудрявцева, сказавшего, что путь к истине разнообразен, и достижения в научной области «не становятся ущербными и неприемлемыми для нас, если они получены методами, отличными от марксистских»³³.

32 См. об этом: Жигарев Е. С. Теория личности преступника в контексте исторического материализма и православной антропологии // Российский криминологический взгляд. №4. 2009. С. 247–262; Жигарев Е. С., Захарьян О. Ю. Теория личности преступника: экзистенциальный опыт // Российский криминологический взгляд. № 1. 2010. С. 323–330; Жигарев Е. С. Криминологическая теория личности преступника: анализ материалистической концепции // Российский криминологический взгляд. № 3. 2011.

33 Кудрявцев В. Н. Роль науки в обновлении общества // Правда. 1990. 22 марта.